

18+

ДНЕВНИК ВОСПОМИНАНИЙ

В.Н.ХУДЯКОВ

Валерий Худяков

Дневник воспоминаний

«Издательские решения»

Худяков В. Н.

Дневник воспоминаний / В. Н. Худяков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-534602-5

Книга «Дневник воспоминаний» написана на основе реальных событий. В ней повествуется о том, как уже не молодой человек, москвич, решил разыскать место захоронения погибшего во время ВОВ, на территории Белоруссии, родного брата своей матери. Поиски сопровождаются глубокими воспоминаниями героя о послевоенном детстве, прошедшем в недавно освобожденной от фашистов Белоруссии, о рождении брата, об отношении людей к памяти о героях войны. Книга предназначена широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-00-534602-5

© Худяков В. Н.
© Издательские решения

Содержание

МАЛАЯ РОДИНА	6
СВЯЗЬ ВРЕМЕН	11
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дневник воспоминаний

Валерий Николаевич Худяков

Дизайнер обложки Анна Сергеевна Кутепова

© Валерий Николаевич Худяков, 2021

© Анна Сергеевна Кутепова, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-4602-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАЛАЯ РОДИНА

Памяти брата моего Анатолия посвящается

День для Сергея Николаевича Славина, выдался трудным, пришлось принять участие в трех затяжных неинтересных совещаниях, к вечеру разболелась голова. Только часам к восьми он добрался до дома, жена Елена встретила его улыбкой и, как всегда, вкусным ужином. На сей раз от ужина пришлось деликатно отказаться – боль в голове не проходила, после горячего душа он выпил предложенную Леной таблетку, устроился поудобнее в кресле и включил телевизор. Перебрав, нехотя, каналы, он остановился на каком-то из них, где в это время шла передача, посвященная жизни и творчеству Сергея Есенина, приближался день рождения поэта, третье октября. Корреспондент вел репортаж из музея в селе Константиново на Рязанщине, где родился поэт. Рассказывалось о детских и юношеских годах его жизни, то и дело на экране возникали родные просторы – березовые рощи, дальние дали за рекой, воспетые поэтом в стихах. Что-то тронулось в душе у Сергея Николаевича, чем-то родным и теплым повеяло с холодного экрана телевизора. Он переключил канал, на спортивном транслировали футбол, но традиционного интереса он не вызвал, мысли возвращали его в село Константиново, и не потому, что там родился великий поэт, а потому, что в том селе проживала близкая родня Славина, и ему, вдруг, стало не по себе.

Давно уже не виделся он с родными, живущими на селе, а ведь когда-то, в юные годы, каждым летом, по месяцу они с братом проводили каникулы в деревне, у тети Нюши, родной сестры их бабушки, и дяди Вани, дружили с их детьми Володей и Колей, старший их брат Василий еще в пятьдесят четвертом поступил в военное училище, и, с тех пор – только в отпуск. Теперь уж он в отставке, полковник, живет в сибирском городе Омске, где было последнее место службы. А в то время их семейство проживало в другой деревне, в Шацком районе, в Константиново состарившиеся уже родители перебрались не так давно, в девяностых годах, по настоянию и с помощью их среднего сына Владимира, работавшего главным инженером в колхозе имени Ленина. Их младший сын Николай жил с семьей в Рязани, но, к великому сожалению всей родни, в возрасте сорока, лет он, скоростижно ушел из жизни. Славин глубоко задумался, позвал жену.

– Ты знаешь, Леночка, посмотрел я сейчас по телеку передачу о жизни Есенина, показали музей в Константинове, ну там, природу, деревню, и что-то мне так муторно стало на душе. Я ведь не виделся со своими родными, по бабушке, года с семидесятого, то есть лет двадцать пять, если не больше, а годы то идут. Иных уж нет...

– Я вот что скажу, Сережа, ты сейчас по экспедициям не мотаешься, весь год в Москве, и никто не запрещает тебе взять, да поехать туда, в Константиново, на недельку – со всеми и повидаться. Сейчас ведь можно неделю в счет отпуска брать, вот, возьми и поезжай. Сам-то как думаешь?

– Что тут думать? Надо съездить, – минуту подумав, твердо сказал Сергей, – ты-то сможешь на недельку с работы отпроситься? Ну там, отгулы...

– Нет, Сережа, у меня на работе настоящий завал, никто не поймет, я и заикаться не буду про отгулы. Только зимой. Так что, поезжай один, потом расскажешь мне, как там дела у Володи, да у Игоря с Валеркой. Привет им передашь.

В деревне встретили Славина радушно. Владимир, тридцать пять лет поработавший инженером в передовом колхозе имени Ленина, знал в окрестностях всё и всех. Два дня напролет он возил Сергея на своем УАЗе по деревням и селам, входившим в состав «родного хозяйства», показывая прелести сельской жизни. «Воздух-то какой! – не уставал он повторять, рассказывая о природе родного края, – а река! Где ты найдешь такую красоту, ты только

посмотри!» – показывал он рукой на противоположный низкий берег Оки, где раскинулись заливные луга.

И действительно. Глядя с высоты крутого берега на отраженное в реке сочно-голубое небо, на бескрайние, необозримые просторы этого края. Сергей почувствовал внутри себя что-то такое, что похоже было на гордость за свою, пусть даже только бабушкину, малую Родину. Места здесь, надо сказать, воздушные, светлые: широкие поля, луга, полупрозрачные березовые перелески. Вот уж действительно в самую «десятку» угодил поэт, назвавший в своих стихах этот край «страной березового ситца». Картина изумительная, всякий, кто впервые выходит на высокий берег Оки, буквально застывает, взирая на открывающийся за широкой рекой простор. Обширные малахитовые луга с лазурными зеркалами небольших заливных озер, за лугами начинается воспетый художниками великий мешерский край с темными хвойными и широколиственными лесами и болотами.

– Да, – задумчиво произнес он, – красотища, ничего не скажешь. Ты знаешь, Володя, мне кажется, что в этом очаровании редко кто, имея хоть крошечный талант, не станет стихов писать. Располагает, что ни говори.

Взгляд его невольно остановился на потревоженной, вдруг, глади воды, по которой у самого берега расходились круги от всплесков, производимых речными охотниками – щукой, жерехом, окунем.

– Вижу, и рыба в Оке еще не перевелась – вон как хищник жирует.

– Да, пока еще есть, на уху-то всегда наловишь. У нас в колхозе, до недавнего времени, даже рыболовецкая бригада была. Ловили и сдавали в торговлю – в «Сельпотребсоюз». Какой-никакой дополнительный доход колхоз с этого имел, лицензия была, специалисты, сначала прилично выручали, но постепенно улов стал все больше и больше растаскиваться колхозниками, вплоть до того, что нечего стало сдавать. Тогда Правление решило прикрыть этот промысел, и лицензию сдали, – он немного помолчал, – ну, а по поводу того, что местная природа располагает к стихам, то так, Сережа, все говорят, кто впервые здесь оказывается, да и не только, кто впервые, я вот всю взрослую жизнь здесь живу и всю жизнь так считаю.

– Слушай, Сергей, – спросил Володя после пятиминутной паузы, – а что бы тебе на старость здесь свое гнездышко не соорудить. Как думаешь? С участком вопрос решим, хоть ты и поздно приехал – хорошие-то уже раздали, но ничего, что-нибудь подберем. Ну так, как? Давай, решай. Уверен, и Лена твоя будет не против.

– Вообще-то идея мне нравится, а с участком, ты это серьезно?

– А что тут шутить то? Поехали прямо сейчас, если Георгич на месте, то сегодня же и решим.

Глава сельской администрации, Василий Георгиевич Кулаков, оказался на месте, и в течение часа, стараниями Владимира, проблема была решена. Славину был выделен земельный участок площадью двадцать пять соток, о чем был заключен соответствующий договор, а уже через два дня Сергей получил в руки нотариально заверенное свидетельство на право собственности этого участка. Не откладывая, Сергей прямо из райцентра с телеграфа позвонил домой и проинформировал Лену. Принципиальных возражений не последовало.

Постепенно, в течение двух – трех лет, на участке в двадцать пять соток были воздвигнуты настоящий деревенский рубленый дом, баня, и сарай. Таким образом, когда, через несколько лет Славин окончательно вышел на пенсию, он практически переселился из Москвы в Константиново. Сначала он жил в деревне один, но только в летние месяцы, Лена, дети и внуки навещали его по выходным, иногда дети оставались в деревне на неделю, а уж когда Лена оформила пенсию и ушла с работы, они с Сергеем стали оставаться и на зиму, благо, что успели за недорого провести в дом магистральный газ и установить отопительную систему.

В деревне Славины скоро освоились. Сергей Николаевич обзавелся приятелями из таких же, как и он, пенсионеров, переехавших сюда из Рязани, из подмосковной Коломны, из Москвы, кто только на лето, а кто и на круглогодичное поселение.

В лихие девяностые годы произошло, в некотором роде, замещение состава деревенского населения. Колхоз превратился сначала в акционерное общество, а в последствии, вообще, какой то проворный человек сумел при помощи одного из банков выкупить за бесценок у крестьян колхозные пай, в виде земельных наделов, и стать единоличным владельцем всего бывшего орденосного хозяйства, которое вскоре пришло в упадок, и молодежь из деревень подалась в города – в районный центр, в Рязань и даже в Москву. Одни нанимались что-либо продавать, другие – что-либо охранять, всем хватило места.

Участки и дома колхозников стали скупать городские люди, в основном, Рязанские, и деревня, как таковая, перестала быть крестьянской. И вскоре на все пять сел, входивших в состав хозяйства, ни в одном дворе не осталось ни одной коровы. По средам и субботам на центральной площади, прямо перед сельской администрацией, по утрам, жители деревень выстраивались с бидончиками в очередь за молоком, которым торговало, разоряющееся на глазах у всех, хозяйство. Молока на продажу привозили немного, и хватало не всем, поэтому люди, в основном мужчины на «Жигулях», появлялись у палатки-павильона часа за полтора до молока. Незнакомые становились знакомыми, затевались беседы о текущей политике, о росте цен на бензин, о рыбалке, о футболе.

Именно здесь, в ожидании момента, когда к торговой палатке на подводе, запряженной пожилой серой кобылой, подвозили три – четыре фляги колхозного молока, Сергей Николаевич и познакомился с пенсионерами из Рязани, бывшими городскими жителями, а теперь обитателями своих скромных деревенских поместий. Скоро новые знакомые перешли в ранг приятелей, отношения упростились, и старики стали обмениваться визитами, приглашали друг друга на рыбалку, обменивались книгами. Славин редко кого из приятелей навещал, если только по какому делу, или с вопросом, как найти в Рязани то-то и то-то. Теплыми летними вечерами приятели иногда собирались у Славиных, на крылечке. Хотел Сергей Николаевич оборудовать крылечко гостевыми лавками, да все никак руки не доходили, и каждый раз Елене приходилось выносить сюда стулья, приятели рассаживались за столиком, и начинались беседы, сначала о погоде, о стариковских болячках, о повышении цен на ЖКХ, на бензин, на рыбу... Мирные беседы порой перетекали в громкие споры, с деловым обсуждением не всегда умело, по их мнению, действующих властей всех уровней – от сельской администрации до администрации Президента. Заканчивались посиделки обсуждением внутренней и внешней государственной политики. С чем-то старики дружно соглашались, но чаще всего слышалась острая критика действий руководства Страны. Что поделаешь? Это были самые настоящие Советские люди, выросшие и закаленные в условиях другой Страны, принимавшие непосредственное участие в создании всего того, чем живет Россия в настоящее время. Всех их объединяло глубокое чувство ответственности за судьбу Страны, в которой они родились, учились, дружили, любили, встречали с войны своих отцов и дедов – победителей фашизма, радовались победам Родины в покорении космоса, в освоении океанских глубин и так далее. Иногда на посиделках появлялось разливное пиво, продававшееся в сельском баре и приносимое кем-то из приятелей в трехлитровых банках, и старики с удовольствием медленно потягивали «Жигулевское», закусывая, заранее приготовленной и принесенной к пиву кем-то из гостей, вяленой в домашних условиях местной рыбкой – плотвой, подлещиком, окуньком. Посиделки в такие вечера затягивались до появления на небе всех знакомых и незнакомых созвездий.

Во время вечерних посиделок старики обычно обменивались воспоминаниями, каждый своими. Как кто прожил годы, что интересного было в жизни, в профессии. В этом смысле Сергей Николаевич считал себя среди собеседников самым счастливым человеком. Ну как же! Будучи по профессии геологом, он провел в экспедициях добрую долю своей жизни, где только

не пришлось побывать... В семидесятых годах он около десяти лет проработал на Чукотке, по собранным там материалам защитил кандидатскую диссертацию. По его мнению, приятели – ветераны были обыкновенными обывателями. Он высокомерно рассуждал так: «Ну что интересного может рассказать, например, бывший главный инженер завода „Сельмаш“? Про сеялки и веялки? Про Государственный план, за выполнение которого он постоянно боролся и „отвечал головой“? Или бывший зам. Мэра Рязани. Что он видел, кроме городских проблем? О чем он может рассказать? О перманентных скандалах по поводу подготовки к очередному отопительному сезону, или достижениях транспортников по перевозке пассажиров? А еще, бывший ген. директор объединения грузового автотранспорта. Безусловно, люди эти были весьма заслуженные, но где романтика в их необходимом и очень нелегком труде? Нет, романтика, наверное, все-таки есть, но какая-то своя, непонятная. То ли дело у нас, в геологии, что ни сезон, то все новое».

Примерно такими же категориями размышлял и каждый из участвующих в вечерних беседах заслуженный пенсионер. Для каждого из них в жизни обязательно была своя, особенная, романтика, целыми пятилетками и семилетками не позволявшая расслабиться, державшая в напряжении все силы и волю, порой доводившая до срывов в их сердцах и сосудах.

Обязательно возникал диспут на тему «если бы президентом был я», в результате которого каждый из собеседников всегда оставался при своем мнении. К единому мнению старики приходили при обсуждении темы выборов и работы областного и Государственного парламентов. Все сходились во мнении, что депутаты с первого дня своей работы в думе начинают заботиться о том, как бы по спискам той или иной политической партии пройти в думу уже следующего созыва.

«Как же не заботиться, – приходили старики к общему выводу, – сами себе и размеры зарплаты устанавливают и, главное, размеры собственных пенсий, оставляя нас с вами, товарищи дорогие, в разряде нищенствующих стариков. Эта Дума для немалой части депутатов прямо-таки волшебная скатерть-самобранка, законы, конечно, принимают, это их работа, но надо еще посмотреть, все ли они правильные, полезные, да и вообще, иногда складывается впечатление, что наш Парламент работает по указке Президента, не видно никакой альтернативы».

Острые споры среди друзей – пенсионеров возникали, когда речь заходила об уровне жизни в Советском Союзе, то есть в годы, которые современники оценивали по-разному. Одни называли последние тридцать лет существования СССР, с экономической точки зрения, застойными, а другие – те же годы считали годами со стабильной экономикой. Сторонники стабильности старались доказать свою позицию стабильностью цен на товары, адекватным пенсионным обеспечением, бесплатной медициной и так далее. Сергей Николаевич к подобным рассуждениям подходил с солидной долей юмора. Во время одного из подобных диспутов он решил напомнить своим собеседникам, что мы оставили в СССР.

– Мужики, – однажды вмешался он в спор, – о чем вы говорите? Какая стабильность? У вас, видно, что-то с памятью, вы, наверное, забыли и «моральный кодекс строителя коммунизма», и все эти незамысловатые лозунги. Вот вы все были членами партии, я в партии не был, не состоял, как же вы допустили, что ваш главный шеф Никита Хрущев в шестидесятом году на весь мир провозгласил, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме? Ну вот вы мне сейчас скажите: разве это не смешно? Что он подразумевал? Бесплатный билет на трамвай? Ну, ладно, Бог с ним, с этим Никитой – кукурузником, дальше – больше! Его последователь, тоже верный ленинец, в начале семидесятых годов объявил, что в нашей стране социализм победил «полностью и окончательно». Это было время, когда в регионах, да и в вашей Рязани, в магазинах стали постепенно куда-то исчезать продукты питания, а уж когда талоны на продукты стали обязательным документом для жителей Подмосковья, этим ленинцем, на полном серьезе! был объявлен «развитой социализм»! Во как! Так что радуйтесь, друзья мои, что та самая «стабильность» не досталась нам и нашим детям по наследству....

На этом диспуты не заканчивались, но градус обсуждений существенно понизился.

Однажды, кто-то из приятелей предложил расписать пулю в преферанс, все безоговорочно согласились, при этом каждый отмечал свой опыт, накопленный за прожитые годы. Игры иногда затягивались «до петухов», в связи с чем, под давлением их дорогих жен, приятелями было принято единогласное решение играть только по пятницам, чтобы не просыпать, неделю напролет, дневные часы, остро необходимые для ведения садового и огородного хозяйства.

Через три года на участке Славиных вырос и окреп молодой фруктовый сад. В тени под высокорослой грушей Сергей соорудил удобную скамейку, на которой в теплые дни можно было просиживать часами, созерцая муравьиный, пчелиный, стрекозий и птичий миры, глубоко погружаясь в раздумья.

Человеку молодому свойственно думать о будущем, мечтать о победах в науке, в спорте, в любви, наконец. А когда уже за семьдесят, мысли все чаще возвращают человека в прошлое. Заставляют оглянуться, попытаться дать оценку времени, в котором довелось жить и работать, людям, с которыми судьба сводила на разных этапах жизненного пути – однокашников, однополчан, сослуживцев, коллег, приятелей, любимых, друзей и подруг. Сюжеты из своей семейной жизни Сергей Николаевич вспоминал редко – считал, что подобным воспоминаниям должны быть посвящены отдельные вечера.

Размышления старого геолога чаще всего возвращали его далеко за горизонты реального времени – на заснеженную Чукотку; в солнечную много-рекую и тысяче-озёрную Якутию; в таежно-кедровую Горную Шорию; на загадочный остров Сахалин, с его неожиданными и удивительными природными аномалиями, как-то лесная земляничная ягода величиной с куриное яйцо, или расположенные в непосредственной близости друг от друга, горячие и холодные водные источники; в сказочно раскрашенные смешанной осенней тайгой, сопки Приморья; в знойные степи и глубокие, свыше 1000м, жаркие шахты Донецкого угольного бассейна...

Обычно вечерние беседы на крылечке начинались с обсуждения теленовостей, а заканчивались, как правило, очередным рассказом Сергея Николаевича эпизодов из полевой геологической жизни. Начинался любой рассказ словами «когда я работал в Ленском угольном бассейне (или Сахалинском или Кузнецком)». В своих рассказах он старался не углубляться в производственные и научные темы, ему самому казались более интересными путевые заметки. Например, воспоминания о работе в Ленском бассейне сводились к описанию великих сибирских рек – Лены и Алдана с их берегами из гранитных скал – небоскребов. Он с упоением рассказывал о величии и красоте якутской природы.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Шел 2017-й год, Сергей Николаевич Славин проводил свое пенсионерское лето, как он обычно говорил, «у себя в деревне» на Рязанщине. Не в самом селе Константинове, откуда родом поэт, а здесь же, недалеко, в соседней деревне Аксеново, протянувшейся вдоль Оки, и являющейся как бы продолжением сёл Константиново и Кузьминское.

И вот, в самой середине лета, когда в огородах сельчан начинали краснеть на кустах ранние помидоры, а урожай огурцов уже исчислялся ведрами, подошел у Сергея Николаевича срок обменивать водительские права. Ну, а коль сделать это можно было только по месту постоянного проживания, пришлось ему на неделю покинуть «страну березового ситца», приехать в Москву и приступить к процессу замены удостоверения. Как известно, процесс этот состоит из двух этапов, основным и наиболее сложным из которых является получение специальной медицинской справки. Обычно на это уходит два, а иногда и три дня, это как позволит артериальное давление, в нужный момент. В последние лет пять нет-нет, да «подскочит» у Сергея Николаевича до неприемлемых единиц. Никуда не денешься – и возраст уже солидный, и вес – аж за сто двадцать. Сама-то замена удостоверения в МРЭО обычно происходит быстро – утром сдаешь документы, и к обеду права готовы.

На этот раз без особого труда, за два дня, «прошел» он все назначенные врачебные кабинеты и только утром следующего дня записался на прием к наркологу, т.е. добавил свою фамилию к длинному списку на листке, прикрепленном кнопкой к двери кабинета, и в ожидании своей очереди устроился на свободном стульчике. Очередь почти не продвигалась. За час до окончания приема из кабинета вышла медсестра и красным карандашом подвела на листке жирную черту под фамилией последнего на прием «сегодня». В списке «на завтра» Сергей Николаевич оказался пятым. «Ну, ладно, – подумал он без сожаления, – завтра до обеда и права можно получить».

Утром, часов в девять, он уже сидел на стуле у двери кабинета нарколога. Очередь «движется и не движется», как в знакомой песне. Между тем, ровно в час медсестра вышла из кабинета, в одежде без халата и, не сказав ни слова, протиснулась к выходу и удалилась в неизвестном направлении. Вслед за этим из кабинета выглянул худощавый небольшого роста мужчина, лет шестидесяти, оказалось, что доктор, и объявил, что сестра ушла на обед, и без нее приема не будет, так что, придется немного подождать. Возобновился прием в два часа, и к трем очередь, наконец, подошла.

– Полный возраст? – спросил доктор, не глядя на Серяя Николаевича, перебирая в руках его паспорт, обходной листок, бланки с результатами анализов.

– Семьдесят шесть, – коротко ответил пациент.

– Пьете?

– Как сказать? Ну да, выпиваю.

В это время доктор одной рукой начал старательно перебирать картонные карточки, втиснутые в длинный фанерный ящичек, оклеенный цветной бумагой.

– Много? – спросил он после затяжной паузы.

– Что, много?

– Я спрашиваю Вас, выпиваете-то много?

– Мало, раз в месяц, бывает реже, одним словом, по желанию.

– Имейте в виду, уважаемый, ведь алкоголик – это не только тот, кто пьет каждый день, а и тот, кому выпить хочется, хотя бы и раз в месяц. Вы меня поняли?

– Да, конечно, понял, это я за свою жизнь твердо усвоил.

– Ну, хорошо, – продолжал доктор, все еще не глядя на пациента, заканчивая перебирать картотеку, то и дело он поворачивался, сверкая очками, и сверяя фамилии, написанные

на картонках, с фамилией на документах, которые держал в руке, – а как у Вас обстоят дела с памятью?

– Ну, как Вам сказать? В основном нормально, но бывает иногда, прихожу на кухню, а зачем пришел – забыл. У Вас-то, доктор, я вижу, посерьезнее с этим делом.

– В каком смысле? – вскинул он свои очки с толстыми линзами.

– Да я гляжу, как Вы каждую фамилию на карточках сверяете с моей, постоянно заглядывая в паспорт. Плохо запоминается?

– Ладно, ладно, забирайте свою справку, товарищ... – он еще раз заглянул в паспорт, – Сергей Николаевич, и можете получать новые права, всего Вам хорошего.

В МРЭО в этот день он, конечно же, не успел. Пришлось все отложить на завтра. Вечером, сидя на кухне за чаем, взялся Сергей Николаевич, вдруг, рассуждать на тему, заданную доктором – наркологом, о памяти.

«Интересно, – думал он, – а с какого времени я могу вспомнить свою жизнь? Окружавших меня людей, малые и большие события, праведные и недостойные поступки, радости и огорчения, дружбу и предательство, короче, все, что встречалось на пути следования моего жизненного дилижанса. Это, наверное, как пробурить геологическую скважину на глубину, с которой, поднимаясь к поверхности, можно изучить последовательность и условия образования каждого отдельного Земного слоя».

С этими мыслями, далеко за полночь, с надеждой следующим днем получить новые права и, «с чистой совестью», отправиться в свою деревню, улегся он спать. Уснуть долго не удавалось. В памяти мелькали годы работы, службы в Армии, учебы в институте, счастливые школьные годы. Веселая юность в военном гарнизоне. «А до школы...? Что было до школы? Детские игры в московском дворе. Москва-река в Серебряном Бору, там же огромные плоты из бревен на реке. А раньше...? Белоруссия. Вот куда память-то занесла».

Вспомнил, что именно в Белоруссии в июне 1944 года, последнего года войны, в боях за Родину погиб родной брат его матери, Анатолий Харютин. И там же, в Белоруссии, в октябре 1945 года родился младший брат Сергея, названный, в память о погибшем дяде, Анатолием.

Проснулся Сергей Николаевич, по-деревенски, рано, наскоро позавтракав бутербродами с припасенной еще вечером любительской колбасой и круто заваренным «купеческим» чаем, он помчался в МРЭО с надеждой занять очередь хотя бы в первом десятке. Ему удалось сдать документы и записаться на получение новых удостоверений только пятнадцатым. Однако, в этот день ему повезло, вызывали в порядке очереди, и часам к двенадцати он получил новые права. Заскочив к себе домой, чтобы забрать, по поручению жены Елены, некоторые вещи, необходимые в деревне, Сергей Николаевич отправился на своем «ХОБЕРЕ» в сторону Рязани.

Еще утром Сергей Николаевич почувствовал что-то неладное с атмосферным давлением – заныла щиколотка на правой ноге, результат давнишнего перелома, и к этому времени погода совершенно испортилась – все вокруг потемнело, небо заволочло тучами, и начался проливной дождь. Скорость движения на МКАДе резко снизилась, дождь хлестал по лобовому стеклу, но щетки с потоком справлялись, и видимость была нормальная, напрягаться не было необходимости, в машине тепло. Сергей Николаевич настроил приемник на волну «Спорт ФМ», где в это время двое веселых ведущих восторженно рассуждали о стоимости билетов на футбольные матчи. Один за другим в студию дозванивались радиослушатели с сообщениями о том, какие деньги им приходилось выкладывать, чтобы попасть на матчи известных европейских команд. Сам Сергей Николаевич в последний раз был на футболе где-то в 90-х годах, на стадионе «Динамо», когда в рамках «Лиги чемпионов» в гости к московскому «Локомотиву» приезжал непобедимый мадридский «Реал». И цены его тогда совершенно не напрягли. Однако, те суммы, которые называли радиослушатели, повергли в шок: десять тысяч рублей, сто тысяч рублей, а один из радиослушателей – фанатов решил «похвалиться», что за билет на какой-то там, важный для него, матч заплатил сто пятьдесят тысяч!

«С ума сошли», – подумал Сергей Николаевич, и тут же на память ему пришел один давнишний случай, забыть который было невозможно.

Было это в один из выходных дней июля 1965 года. В то время он уже был женат, работал токарем на Московском карбюраторном заводе и учился на вечернем факультете Мосстанкина. Жили они с женой от родителей отдельно, и каждый выходной день был ему необходим как глоток воздуха. И вдруг, утром, ни с того, ни с сего, приезжает к нему домой брат Анатолий и, прямо с порога: «Серый, привет, поехали на стадион! Сегодня же наша сборная с Бразилией играет, я бы и один без тебя поехал, да денег нет».

Несколько дней назад Анатолий закончил первый курс института, и все остатки его месячной стипендии остались в пивном баре «Пльзень», в парке Горького, любимом и ближайшем месте отдыха всех студентов МГИМО, поскольку институт этот в то время находился на Крымской площади. А других доходов у него не было. Отец считал, что лишние деньги в руках студента отвлекают его от учебы и вообще развращают, а на развлечения достаточно и стипендии.

– А билеты? – резонно спросил гостя Сергей.

– Билетов тоже нет. Ну поехали, Серый, достанем билеты там, на стадионе, – взялся было уговаривать брата Анатолий.

– Ну, да ладно, как говорится, «была-не-была», такой матч только раз в жизни может случиться. Поехали, но, если не попадем на футбол, с тебя два пива «Жигулевского», я его больше уважаю, хоть на стадионе, в палатках, такое пиво не продают, там все больше «Будвар».

Поехали с надеждой достать «лишний». Братья вышли из метро на станции «Спортивная» и в, не очень густом, людском потоке, направились к стадиону, к большой спортивной арене. Как только они миновали окружной мост, Анатолий, вдруг, резко остановился, взял с земли какой-то предмет и поднял его над головой.

– Кто кошелек уронил, товарищи? – крикнул он громко.

Никто не отозвался, хотя и Анатолий, и Сергей трижды повторили этот вопрос.

– Ну, что же, тогда действуем по принципу «что с воза упало – то пропало», – подытожил Сергей, – посмотри, Хлопчик, что там внутри-то, а то, может быть, просто кто-то выбросил пустой кошелек, а мы с тобой тут разголделись.

– Да нет, не выбросили, – Анатолий извлек из кошелька сложенные вдвое деньги, – видишь, уронил кто-то? – он пересчитал мелкие банкноты, – здесь шестнадцать рублей, и больше ничего.

– Не будем же мы, из-за шестнадцати рублей, искать владельца среди ста тысяч голов, и в милицию отдавать не будем – бесполезно, себе возьмут, так что, дорогой братец, придется этот клад нам с тобой, как говорится, самим пропивать, забирай себе – пригодятся, постарайся не потратить по пустякам. Шучу.

Дальше, до самой арены, над людским потоком висел один вопрос: «нет ли лишнего билета». Подойдя к арене, братья решили разойтись в разные стороны и встретиться с противоположной стороны. Задача была одна: достать билеты. Сергей пошел с северной стороны, а Анатолий – с южной. У каждого встречного, идущего на матч, Сергей спрашивал о наличии лишнего билета. «Скоро уже начало игры, а билетов все нет», – стучало в голове у Сергея. Вдруг, один из счастливых обладателей билетов остановился и подошел к Сергею вплотную.

– Слушай, парень, лишнего сегодня ты вряд ли найдешь, а как попасть на трибуну, я тебе по секрету расскажу, я здесь грузчиком работаю. Иди сейчас в ресторан, там найдешь Пашу, узнаешь его по белой курточке, белому колпачку и ярко желтым штанам. Трояк ему заплатишь, и он переправит тебя на трибуну в грузовом лифте, я бы сам так прошел, да жена вон захотела бразильцев посмотреть.

Бросив на бегу слова благодарности доброму незнакомцу, Сергей побежал навстречу брату, едва не сбив его с ног, схватил за руку, и вместе они побежали к ресторану «Спорт», расположенному под центральной трибуной. В ресторане они легко отыскивали Пашу, и тот,

без лишних слов, за трояк загрузил их в лифт вместе с алюминиевыми ящиками, заполненными пирогами и бутербродами. В лифте пришлось ехать в положении «вдвое согнувшись», но счастливые, готовые к любым неожиданностям, через минуту братья оказались в буфете на втором этаже западной трибуны, кстати, самой лучшей трибуны. Буфетчица нисколько не удивилась, только попросила пассажиров разгрузить лифт и расставить по местам ящики. Дела оказалось на пять минут.

Купив у входа двадцатикопеечную программку, братья протиснулись на трибуну. Матч только начался, пришлось усаживаться на ступени в проходе, и сразу окунуться в атмосферу всеобщего «боления». С трепетом, то и дело заглядывая в программку с составами команд, Сергей находил глазами на поле двукратных Чемпионов Мира: Джалму Сантоса, Беллини, Дуду..., молодых Жаирзиньо, Флавио. Легко узнал на поле наших торпедовцев – Валю Иванова, Валеру Воронина, армейца Альберта Шестернева, короче, всю нашу сборную. У нас в воротах – Банников. Но всё внимание, конечно, на великолепную десятку сборной Бразилии – темнокожего Пеле! Вот, минуте на седьмой Пеле под острым углом пробивает по воротам Банникова, мяч попадает в боковую сетку снаружи. На трибунах – свист, слышатся возгласы «патриотов»: «так-то и наши умеют...». Но тут же, вскоре, как бы в ответ на шумное недовольство зрителей, получив мяч почти в центре поля, Пеле один обыгрывает всю защиту нашей команды и, точным ударом в угол, забивает красивый гол. Стадион буквально взревел сотней тысяч восторженных голосов! Через короткое время, в первом же тайме, Пеле снова оставляет не у дел всю нашу защиту, но, вместо удара по воротам, в последний момент, он отдает мяч молодому Флавио, который пробивает мимо вратаря и делает счет 2:0. Игра бразильцев завораживает, они волшебники, Пеле – живой Гений футбола.

Второй тайм. В перерыве, пока народ заправлялся в буфетах пивом и бутербродами, братьям удалось втиснуться на сидячие места. В команде СССР замена – место в воротах занимает Анзор Кавазашвили, из Тбилисского «Динамо». Момент следовал за моментом, могли и наши забить, но все чего-то не хватало. Минут за двадцать до финального свистка Пеле филигранно выходит с мячом из тройного «окружения» у боковой линии в центральной части поля, на скорости обходит остальных и, с линии штрафной, заколачивает третий гол под самую перекладину ворот нашей сборной. 3:0! Незадолго до окончания игры бразильцы произвели замену – вместо молодого Флавио на поле вышел еще один двукратный чемпион Мира – легендарный Гарринча, сто тысяч зрителей встретили его бурной овацией. Игра так и закончилась.

Этот матч остался в памяти Сергея на всю жизнь. Им с братом довелось наяву увидеть игру самого Пеле – Короля Футбола. Такой матч на их веку был только один. Молодец Анатолий, что вытянул на стадион, огромное спасибо тому парню грузчику, и Паше в ярко желтых штанах!

Сергей Николаевич когда-то уже рассказывал эту историю за семейным столом, и сейчас он вспомнил, как отреагировал на рассказ его десятилетний правнук Герман.

«Круто, Дедушка, что ты видел Пеле, – сказал тогда Герман, – а три рубля в то время, это сколько?»

«Не буду лукавить, – ответил ему дедушка, – в то время стоимость подобных услуг оценивалась количеством водки. Так вот, три рубля соответствовали бутылке водки, так и говорили: „за бутылку“, а не „за три рубля“. То есть, получается, что мы с братом „за бутылку“ посмотрели матч нашего века, да и брату кое-что перепало, в добавку к стипендии».

Незаметно дождь прекратился, засияло солнце, атмосфера вокруг стала прозрачной. «Потолкавшись» в пробках на выезде из Москвы, миновав Люберцы, машина вышла на простор Ново-Рязанского шоссе, относительно свободного от машин. Теперь можно было немного расслабиться.

В голову вернулись мысли о брате, о дяде: «а где же теперь это самое место в Белоруссии, где находится могила дяди Толи? – неожиданно задал сам себе вопрос Сергей Николаевич, –

почему я не спросил об этом у родителей, или у брата? Помню ведь, когда я служил в Армии, а служба моя проходила на территории Белоруссии, они втроем – родители и Анатолий, ездили на машине в те места, чтобы разыскать место захоронения маминого брата. По пути они заезжали и ко мне, в Молодечно, но было это, когда ехали они только еще туда. А после в нашей семье к этому вопросу ни разу не возвращались, во всяком случае в моем присутствии. Были живы еще наши бабушка и дед, и всякие разговоры ни о гибели сына, ни о месте его захоронения они, мягко выражаясь, не поддерживали. Бабушка всю свою печаль хранила в себе, нам с братом она как-то однажды сказала: „не нужно вам, ребятки, этой печали, вы дядю своего никогда не видели, и он вас не успел узнать, так что, оставьте уж это нам с дедом“. Более того, дед до последних дней не верил, не хотел верить, в гибель сына. А теперь уже никого не спросишь... В девяностые годы ушли из жизни наши родители, а в 2009-м от сердечного приступа покинул нас и дорогой мой брат Анатолий, наш Хлопчик. Что же получается, связь утеряна?».

Неприятное чувство собственной вины, обиды и какой-то растерянности охватило Сергея Николаевича.

«Стыдно, что уж тут говорить, – плавно текли мысли, – такое большое семейство образовалось, а до сих пор никому в голову не пришло поинтересоваться, где покоится прах одного из погибших на войне наших предков. Неужели мы так очерствели, решая походя свои житейские проблемы, ежегодно 9-го мая помпезно отмечая День Победы, шествуя, с фотографиями предков – участников войны, в колоннах бессмертных полков, и при этом не зная, где покоится прах нашего родного человека, отдавшего свою совсем молодую жизнь за то, чтобы жили мы. Нет, нет, этого так оставить нельзя. Надо думать, именно я должен заняться поисками, я теперь остался за всех, молодежь, конечно, сообразила бы, если поручить, да и не в этом дело, займусь сам, благо, времени теперь навалом, компьютер есть, интернет в деревне плоховато, но работает. Наверняка в каких-нибудь архивах должны быть сведения о местах воинских захоронений. Нужно будет поискать в интернете эти архивы. Сейчас ведь все просто – нашел в „яндексе“ нужный сайт и задавай вопросы. Думаю, должны ответить, если не секрет, конечно. Не буду откладывать, сегодня же влезу в интернет, посмотрю, какие архивы существуют на этот счет, ну, а дальше, как сложится».

За размышлениями Сергей Николаевич не заметил, как въехал в Рязанскую область, как повернул с главной трассы на город Рыбное, районный центр, и, минуя его, оказался на дороге, ведущей в село Константиново. Вот и деревня Раменки, окруженная светлыми березовыми рощами, воспетыми поэтом, и современное поселение «Раменские дворики», выстроенное в течение последних десяти лет проворными предпринимателями на бывших колхозных полях, на которых до недавнего времени колосились пшеница и ячмень.

Елена ждала Сергея Николаевича с нетерпением – дети и внуки к этому времени уже разъехались по своим «зимним квартирам», скучно стало, не с кем словом обмолвиться. Встретила мужа с широкой улыбкой.

– Что так долго-то, Сережа?

– Да, очереди везде, понимаешь ли, только у нарколога два дня просидел, но теперь все позади, получил новые права на десять лет.

– Поздравляю, дорогой, давай, ставь машину и заходи в дом, обед ждет, прости, я тебя не дождалась – уже отобедала.

– Как ты думаешь, Лена, не следует ли нам с тобой «обмыть» новые права? – спросил Сергей Николаевич, выходя из умывальника и усаживаясь за обеденный стол, – где-то, по моему, у нас притаилась бутылочка нашей пшеничной самогоночки. Давай-ка, душа моя, ее на стол, немного расслабимся с дороги.

Возражать Лена не стала. Она достала из холодильника и поставила на стол запотевшую поллитровку, протерла бумажной салфеткой граненую стопку и сняла крышку со стоявшей на столе большой эмалированной миски, из которой по всей кухне распространился аппетит-

ный аромат салата из только что собранных с кустов спелых мясистых помидор в смеси со свежими огурцами, сладким перцем, нарезанным полукольцами луком и заправленным душистым подсолнечным маслом, привезенным родственниками Елены из тех самых мест, где масло это производится. Сама Лена уселась напротив мужа в ожидании услышать что-либо новое, в смысле: где был, что видел?

Во время обеда Сергей Николаевич, кроме всего прочего, подробно рассказал жене о том, как, казалось бы, невинный вопрос доктора-нарколога заставил его задуматься о памяти вообще, и, в частности о том, как мы храним память о близких, сложивших свои головы на полях сражений Великой Отечественной Войны.

– Ты понимаешь, Леночка, – как будто бы жалуясь на кого-то, обращался он к жене, налегая на салат, – оказывается никто из ныне живущих моих родственников не знает, где захоронен дядя Толя, брат моей мамы, который погиб в 44-м в Белоруссии. Кто знал, того уж с нами нет. Я решил выяснить, где же все-таки находится его могила. Сегодня же сяду за компьютер и начну поиск, – твердым голосом сказал в заключение, слегка «посоловевший» от роскошного обеда, Сергей Николаевич.

Решив после сытного обеда, «по закону Архимеда», отдохнуть, Сергей Николаевич улегся на диван, закрыл глаза... «Нет, поспать, видно, не получится, никак не выходит из головы эта история с местом захоронения дяди Толи, и, если интернет действует, надо заняться прямо сейчас, не откладывая». Он решительно встал с дивана, сел за стол, включил компьютер, интернет. Повезло, сразу включилась поисковая программа. «С чего начать? Не может же быть, чтобы до наших дней эти материалы не были систематизированы» – вслух спросил он самого себя.

Сергей Николаевич немного подумал и набрал на поисковике вопрос «Захоронения погибших в ВОВ Советских воинов», заполнил предложенную короткую анкету о погибшем, и, через некоторое время, на экране высветился краткий сухой ответ из электронного архива банка «Мемориал»: «Харютин Анатолий Васильевич в списках захоронений не значится».

«Странно, конечно, но ничего, не один, наверное, электронный архив существует. Подумаем, что делать».

До позднего вечера Сергей Николаевич направлял по электронной почте запросы в различные электронные архивы Министерства Обороны. Ответы появлялись на экране быстро, но, к сожалению, все они были одинаковы: «не значится». К столу подошла Елена, глянула на экран монитора.

– Слушай, Сергей, – решила вмешаться в поиск Лена, – если твой дядя погиб в Белоруссии, то, может быть, именно там нужно искать, наверняка в Минске в архивах есть такие сведения, как думаешь?

– Отличная идея! Как я сразу не догадался? Надо думать, в Белоруссии существует свой банк «Мемориал». Из головы вылетело, что это уже давно другая страна. Сегодня уж поздно, завтра утром попытаюсь отыскать архивы в Белоруссии, направлю туда заявление, посмотрим, что из этого выйдет.

И, успокоившись, с мыслями, что как будто бы все уже положительно разрешилось, Сергей Николаевич улегся на ночлег. Утром, не дождавшись завтрака, он включил интернет.

«Ну, никак не идут из головы мысли о захоронении, сейчас попробую запросить „Мемориал“ в Минске, – приговаривал он себе под нос, выискивая на экране монитора электронный адрес архива, – вот, нашел, теперь надо правильно составить запрос».

Придумывать ничего не пришлось, образцы писем содержались здесь же, в приложении к адресу электронного архива в Белоруссии, появившемся на экране монитора, и Сергей Николаевич, как по трафарету, составил обращение в Республиканский архив Белоруссии.

«Здравствуйте. Обращаюсь к вам с просьбой помочь разыскать место нынешнего захоронения моего родного дяди, погибшего в июне 1944 года на территории Белоруссии.

Его данные: ХАРЮТИН АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Родился в 1924 году в деревне Петровка Рязанской области. Призывался Свердловским райвоенкоматом г. Москвы».

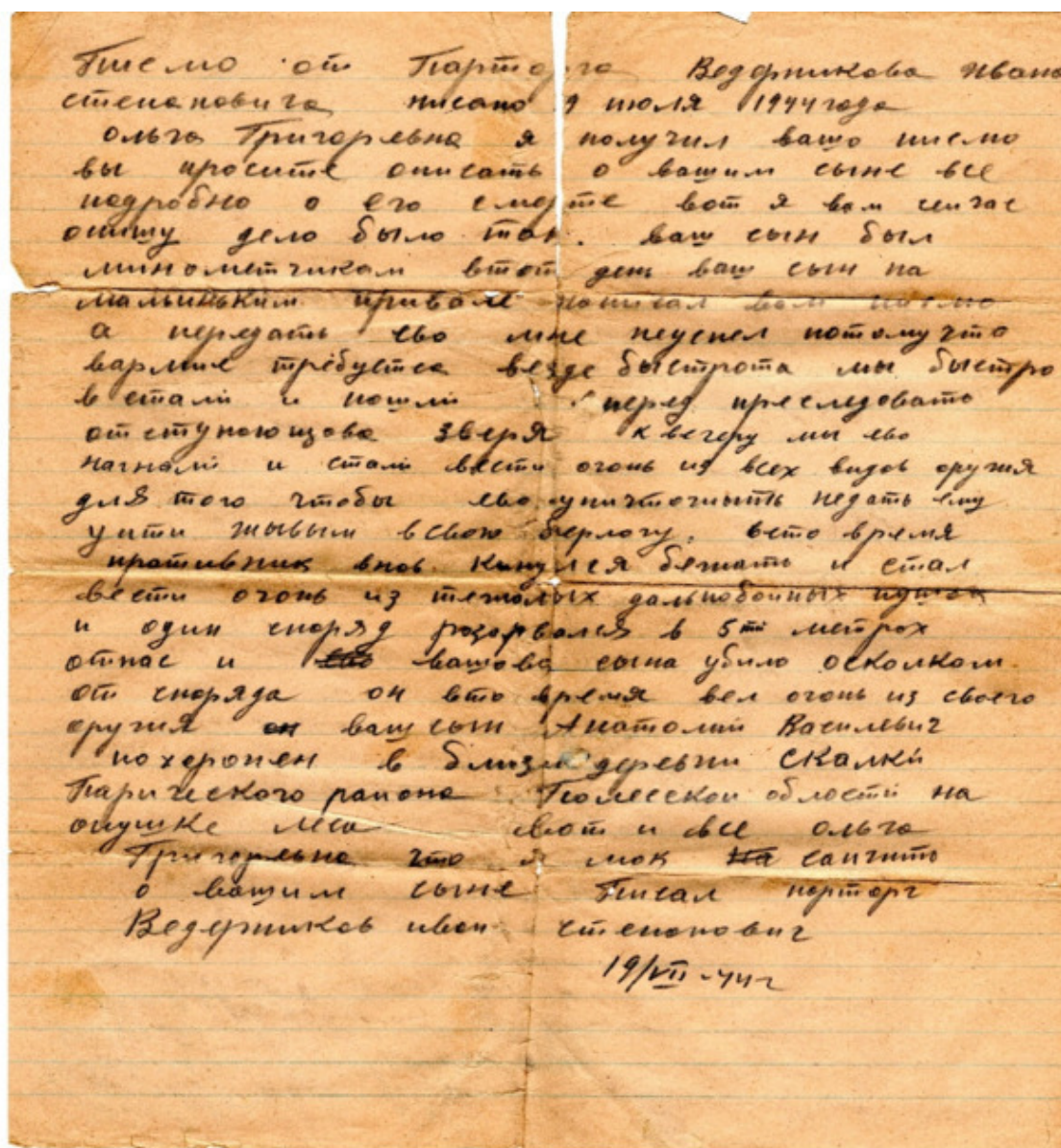
– Лена! – позвал он жену, – ты не помнишь, у нас письмо парторга Ведерникова о гибели дяди Толи отсканировано?

– Да, да, отсканировано, найдешь в компьютере, «документах».

Сергей Николаевич быстро нашел в компьютере письмо с фронта, адресованное его Бабушке, написанное вскоре после гибели ее сына, перечитал его и дополнил свое обращение небольшим уточнением, как оказалось, самым существенным.

«Со слов очевидца его гибели, после боя он был захоронен вблизи деревни Скалки, Парицкого района, Полесской области. Дополнительно, направляю Вам копии письма сослуживца и „похоронки“. Заранее очень Вам благодарен».

К электронному письму он прикрепил «письмо с фронта» и «похоронку».

Письмо с фронта о гибели А.В Харютина. Из семейного архива автора.

Извещение о гибели А.В.Харютина. Из семейного архива автора.

– Ну всё, письмо отправлено, будем ждать, – удовлетворенно вздохнул Сергей Николаевич, – нам теперь почту надо ежедневно смотреть.

Через неделю по электронной почте пришел ответ из «Управления по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь». В нем, во-первых, сообщалось, что «в автоматизированном банке данных „Воинские захоронения Республики Беларусь“ Харютин Анатолий Васильевич не значится». Но за этим неутешительным ответом в письме была и обнадеживающая информация. В частности, говорилось, что, поскольку деревня Скалка находится на территории Светлогорского района Гомельской области (современные названия административных центров), то запрос Сергея Николаевича направлен в Светлогорский районный исполнительный Комитет «для уточнения информации и увековечении имени Анатолия Харютина», откуда, в дальнейшем, и должны были сообщить о результатах этих мероприятий.

Радости Сергея Николаевича не было предела. Как только прочитал он это сообщение, побежал в огород, чтобы сообщить Елене приятную новость, она в это время занималась сбором огурцов с попутной прополкой.

– Пришло письмо-то, Лена! Появилась, наконец, надежда, что отыщется могилка нашего дяди Толи, теперь будем ждать сообщения непосредственно из района, где он погиб.

– Что же пишут-то? – Лена разогнула спину, – смотрю, ты радостный такой, и когда же ты теперь собираешься ехать в Белоруссию, на могилку? Детей-то озадачишь, чтобы тоже съездили?

– Куда ехать-то, Леночка? Я же тебе говорю, надо ждать сообщения из района. Это они нам своим ответом только какую-никакую надежду дали. Теперь ждать будем, а ты говоришь «ехать», да еще детей. . . , – Сергей Николаевич взял из корзины только что сорванный с грядки пупырчатый, изумрудного цвета огурец, потер его о рукав рубахи и смачно откусил, да так, что брызги полетели в разные стороны, – молодцы все-таки белорусы, – продолжал он, с громким хрустом пережевывая ароматный огурец, – не положили в долгий ящик, как это у нас часто бывает, а без всяких проволочек отправили мой запрос куда следует, любезно мне ответили. Я их поблагодарил в ответном письме. Как говорится, «пустячок, а приятно», хотя какой же это пустячок, разбудить память о погибших родных героях, чтобы не оказались мы теми самыми «Иванами, не помнящими родства». И ты никому, пока, не говори, когда будут звонить. Вот, прояснится все окончательно, тогда и поговорим и с детьми, и с внуками.

С этого дня Сергей Николаевич не находил себе места, он дважды в день просматривал электронную почту, раз за разом перечитывал сохранившиеся фронтовые письма, внимательно рассматривал в интернете интерактивную карту Белоруссии, выискивая на ней все населенные пункты, упоминавшиеся в переписке, и даже тщательно изучил карту расположения наших и немецких войск на период июнь- июль 1944 года. Теперь он знал, что дядя его участвовал в операции «Багратион», по освобождению Белоруссии, в одной из армий второго Белорусского фронта, под командованием маршала Рокоссовского. Дома, в любом разговоре с Еленой так или иначе упоминался Анатолий Харютин, найдется – не найдется место его захоронения, и, если найдется, то, как оно отмечено, в общем, не выходило из головы.

И вот, в один из дней во второй половине июля, когда в деревне помидоры на кустах стали краснеть не по дням, а по часам, а основная масса огурцов уже была аккуратно закатана в банки и опущена в погреб, и редко какие из них еще зеленели на грядке среди пожелтевшей листвы и радовали летним ароматом, на электронную почту Сергея Николаевича пришло долгожданное письмо из Белоруссии.

В нем, в частности, говорилось:

Уважаемый Сергей Николаевич!

Отдел идеологической работы, культуры и по делам молодежи Светлогорского районного исполнительного комитета, в ответ на Ваше обращение, сообщает, что солдаты, погибшие у д. Скалка Светлогорского района, перезахоронены в братскую могилу в г. п. Паричи, и имя Вашего родственника Харютина Анатолия Васильевича будет нанесено на плиту братского захоронения в городском посёлке Паричи Светлогорского района Гомельской области до 16.10.2018г.

Прочитав письмо, Сергей Николаевич вышел на крыльцо, окликнул Лену.

– Ну вот, – начал он, заметно волнуясь, – нашелся все-таки наш Харютин, теперь надо детям сообщить, пусть готовятся, чтобы съездили до холодов, да меня с собой прихватили, адрес теперь есть.

– Так что в письме-то, Сереж, что ты так заволновался? – забеспокоилась Лена.

– Все, Лена, все в письме – и где захоронен, и где памятник, вернее, мемориальная плита, с его именем, так что теперь будет все в порядке, будет все, как положено. Ты знаешь, имя Анатолия Васильевича до сих пор не нанесено на мемориальную плиту, но белорусы оговорили сроки, торжественно пообещали это сделать до 16-го октября.

– Это что же, и ты собираешься в Белоруссию?

– Поеду, Лена, обязательно поеду, навещу дядьку своего, за всех навещу – и за его родителей, и за сестру его, и за всех наших родных, кого теперь уж нет. Родной рязанской земли положу ему на могилку, чтобы знал он, что помним. Поеду поездом, как когда-то в сорок пятом.

– Послушай, Сергей! – как будто бы что-то очень важное вспомнила Лена, – а ты не заметил, что дата, которую обозначили в письме белорусы, совпадает с днем рождения нашего Анатоля, твоего брата?

– Действительно, – Сергей Николаевич загадочно посмотрел на жену, – я не придавал этому никакого значения. Как ты думаешь, это совпадение или что, по-твоему? Нет, скажу я тебе, это не простое совпадение. Тебе, наверное, известно, что наш Анатолий родился практически через год после гибели дядьки, там же, в Белоруссии, и в том же районе, почти в том же месте, где сложил голову Анатолий старший. И теперь вот эта надпись на плите... Это какая-то мистика.

Сергей Николаевич немного постоял, затем спустился с крылечка, медленно, в задумчивости прошел мимо огородных грядок, над которыми с самого утра «колдовала» Лена, остановился у разлапистого куста черной смородины, набрал пригоршню ягод и, без всякой предварительной обработки, разом отправил их себе в рот, чем, как всегда, разбудил приятные воспоминания о далеком пионерском детстве. О том, как однажды, когда они с братом Анатодем отдыхали в пионерском лагере, где-то в районе Старой Рузы, под Москвой, их отряд, в порядке шефской помощи, был направлен в сад соседнего колхоза, на сбор урожая черной смородины. Ежедневно, с утра и до обеда, надо было собирать с кустов ягоды и сыпать их в огромные корзины. Порядок объявлен был такой: есть ягоды на месте можно было сколько влезет, а выносить из сада было запрещено. Не более, чем через час, все сборщики уже «набивали» себе оскомину, и собранные ягоды сыпались только в корзины. И продолжалось это не менее десяти дней. С той поры вкус и аромат этой ягоды всякий раз волшебным образом возвращал Сергея Николаевича в счастливое пионерское детство. Точно такая же ассоциация возникала и у Анатоля, он говорил, что при упоминании только слова «смородина», у него на зубах ощущалось нечто, похожее на оскомину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.